

МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ЕВРОПУ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Н.В. Матасова¹, старший преподаватель

И.А. Матасова², студент

¹Новосибирский государственный аграрный университет

²Новосибирский государственный университет экономики и управления

Аннотация. Изучение миграции за рубеж стало одной из актуальных задач современной науки. Учитывая объем научных работ и исследований, осуществленных за последние годы, можно говорить о том, что миграции играют очень важную роль в истории и их влияние на развитие культуры до сих пор сохраняется.

Ключевые слова: миграция, эмигранты, беженец, проблема беженцев, Европа, адаптация.

Вопрос о численности российских эмигрантов в европейских государствах довольно сложен. В различные исторические периоды он подвергался пересмотру и откровенной фальсификации, в зависимости от личности и политических пристрастий исследователей, которые занимались этой проблемой. Манипулирование статистической информацией осуществлялось и правительственными органами, которые в разные моменты времени хотели либо завысить, либо понизить реально количество российских беженцев, нашедших пристанище в конкретной стране. Внутриили внешнеполитическая конъюнктура в Европе в 1920-х гг. менялась часто. Так, рост социальной напряженности в стране

мог вынудить правительство, во избежание недовольства налогоплательщиков возросшими государственными расходами, понизить число эмигрантов; заявление Лиги Наций о дополнительных ассигнованиях на решение беженских проблем, напротив, влекло за собой «разрастание» русских колоний в европейских государствах.

Социальный облик эмигрантов был разнообразным. Среди покидавших Россию людей были представители почти всех социальных групп: от состоятельных слоев населения в лице крупных землевладельцев и промышленников, до наименее обеспеченных крестьян и городских жителей.

Таблица 1. Социальные группы русской миграции

	Профессия	% соотношение
1	Артисты	1%
2	Врачи	1%
3	Духовенство	0,5%
4	Журналисты, писатели	0,1
5	Земледельцы, сельские хозяева	17,4
6	Инженеры	1%
7	Канцелярские служащие	4%
8	Коммерсанты	1%
9	Музыканты	1%
10	Ремесленники	3%
11	Сестры милосердия	2%
12	Техники	8%
13	Учителя	4%
14	Художники	0,5%
15	Чернорабочие	4,2%
16	Чиновники	3%
17	Без указания профессии	21%

Анализируя эти данные, можно сделать вывод, что более 70% русских эмигрантов принадлежали к людям интеллектуального труда, либо не имевших специальности вообще. Такая диспропорция оказала пагубное влияние на процесс адаптации эмигрантов в новом для них обществе. Отсутствие прикладных знаний и профессиональных навыков затрудняло поиск работы; поиск занятия по специальности нередко заканчивался для эмигрантов месяцами и годами безработицы, ставившей людей на грань нищеты и физического выживания.

Как отмечает Ипполитов С.С., что количество российских эмигрантов в Константинополе и прилегающих к нему регионах постоянно менялось. Самая состоятельная часть эмигрантов в течение одной – двух недель, быстро получив визы и купив билеты, уехала в Европу. В Константинополе Отделом расселения Русского комитета регистрации беженцев была предпринята попытка статистического анализа возможных путей расселения российской эмиграции по странам мира [1].

На 1 января 1922 г. в Чехословакии было зарегистрировано от 20 до 22 тыс. российских беженцев, а к началу 1924 г. их было уже 30 тыс. К началу 1928 г. численность российских эмигрантов практически устоялась, перестала расти, т.к. новых беженцев из России не было, за исключением тех, кому удавалось сбежать из концлагерей и тюрем, а также называемых «невозвращенцев» – работников советских учреждений в Чехословакии, которые отказались вернуться в Советский Союз.

Сравнительно небольшая российская колония существовала в Финляндии. Ее численность составляла приблизительно 15 тыс. человек.

Первая попытка организовать учет русских эмигрантов, прибывших в Германию, была предпринята в 1921 г. Российским обществом Красного Креста. Но это мероприятие не принесло практических результатов.

Этот процесс усложнялся еще и фактором неопределенности самого понятия

«российская эмиграция» применительно к ситуации в Германии. Дело в том, что под этим определением многим политическим деятелям и авторам зачастую подразумевались очень разные социальные и национальные группы людей – выходцев из России. В категорию эмигрантов часто зачисляли бывших военнопленных, попавших в Германию в ходе Первой мировой войны; выходцев с территории Украины и Грузии; немцев – репатриантов, возвращавшихся на «историческую родину» из России.

При исследовании численности русской колонии в Германии в большей, нежели по отношению к другим государствам «беженского рассеяния», степени необходима привязка к конкретному моменту времени, поскольку она была подвержена серьезной динамике. Резкое падение жизненного уровня в начале 1920-х гг.; политика немецкого правительства по правовому вытеснению эмиграции; приход в 1933 г. к власти Гитлера – все эти причины влекли за собой резкое сокращение численности эмиграции.

В ноябре 1920 г. Американский Красный Крест оценивал число российских эмигрантов в Германии в 560 тыс. чел., «Русский центральный офис информации» в январе 1921 г. называл число 400 тыс. чел. Однако по другим оценкам в январе 1922 г. русская колония в Германии насчитывала от 150 до 180 тыс. чел.

Некоторые западные исследователи высказывались о том, что максимального размера русская колония в Германии достигла в 1922 г.; в этот момент времени в стране насчитывалось 250 тыс. российских мигрантов. Восемь лет спустя их общее количество упало к отметке между 90 и 100 тыс., и к 1937 г. достигло 45 тыс. чел.

Таким образом, становятся ясны довольно большие «допуски» во взглядах на проблему численности российской колонии в Германии. Однако серьезного противоречия здесь нет. Такие широкие толкования статистической информации объясняются следующими причинами. Во-первых, на начало 1920-х гг. приходился пик транзитных перемещений российских

эмигрантов через территорию Германии. Особой популярностью пользовались направления Германия – Франция, Германия – Америка. Разумеется, наладить какой – либо учет в постоянно менявшейся русской колонии практически было крайне сложно. Во-вторых, с 1922 по 1925 гг. русская эмиграция в Германии сократилась примерно вдвое из-за неблагоприятной экономической ситуации в стране. Например, французский консул в Берлине выдавал бывшим российским гражданам около одной тысячи виз ежемесячно. Также большое колебание русской миграции в 1923 г. отмечал и представитель Верховного комиссара по делам беженцев [2].

Социальный состав русской колонии в Германии имел свои характерные особенности.

Немецкий исследователь Х. Волкман оценивал социальный состав следующим образом:

1. Коммерсанты, подрядчики, инженеры – 26,8%
2. Профессора и учащиеся – 20%
3. Военнослужащие – 15,8%
4. Артисты, художники, мелкие коммерсанты – 12,5%
5. Сельскохозяйственные рабочие – 11,3%
6. Свободные профессии – 7,2%
7. Банковские служащие, коммерсанты – 6,4%
8. Рабочие – 2,2%

Таким образом, примерно 75-80% эмигрантов принадлежали к состоятельным и интеллигентным слоям населения, что даже несколько превышало аналогичное соотношение к Константинополю.

Глобальный передел мира и связанные с этим беженские потоки из одной страны в другую в достаточной степени регулировались Версальско-Вашингтонской системой договоров, в ходе последующих мирных конференций, двусторонних договоров. Только российские и армянские беженцы, бежавшие от новых политических режимов, создали для мирового сообщества множество проблем, которые никогда ранее не возникали. Поток мигрантов из бывшей Российской империи был самым

массовым и интенсивным. Ситуация усложнилась массовым появлением апатридов - лиц без гражданства.

«Ликвидация беженской проблемы» стала одной из вопросов Лиги Наций. Ее пути решения виделись в следующем: расселение и трудоустройство, репатриация и урегулирование правового положения беженцев. Однако решить ее до конца так и не удалось. Таким образом, истоки и начало опыта разрешения беженской проблемы лежат в 1920-х годах, а русские мигранты не только положили начало проблеме, но и стояли в основе ее урегулирования, участвуя в подготовке документов международного уровня [3].

Сложность расселения, репатриации, адаптации русских беженцев заключалась в том, что они в странах-реципиентах образовали такую категорию иностранцев, которым трудно было принять обычную культуру или режим других стран. Многие выходцы из России потеряли свое гражданство в силу изменений в личном статусе. Старое русское право после 1917 г. формально перестало быть действующим. Новое государство – РСФСР (СССР) – большая часть эмигрантов не признавала. Потеряв гражданство Российской империи, они не стали и гражданами Советской России и, соответственно, не имели никакого гражданства. За рубежом появился достаточно широкий слой лиц без гражданства российского происхождения. Таким образом, российские эмигранты-апатриды не только обладали меньшим объемом прав и свобод, чем граждане страны пребывания, но и были лишены возможности обратиться к дипломатической защите. Только Лига Наций могла стать гарантом прав и свобод для лиц без гражданства, считающих себя русскими гражданами, но не имеющими за собой страны, которая обеспечила бы им юридическую защиту.

Впервые определение понятия «беженец» появилось в июле 1922 г. на Женевской конференции представителей правительств. Тогда речь шла только о русских беженцах. В результате «русским беженцем» признавался беженец «русского про-

исхождения, не принявший никакого другого подданства». Затем Женевское межправительственное соглашение от 12 мая 1926 г. уточнило это понятие, и им считалось «всякое лицо русского происхождения, не пользующееся покровительством правительства СССР и не приобретшее другого подданства».

Однако целый ряд правовых вопросов, касающихся российских мигрантов, можно было решить только на международном уровне. Пришлось разрабатывать новые нормы международного права, и приоритет в этом принадлежал Лиге Наций.

Чтобы понять механизм функционирования этого международного учреждения и самого решения беженского вопроса и то, какое место он занимал в ее работе, следует обратиться к организационным принципам. Положение о Лиге Наций вступило в силу 10 января 1920 г. Ее основными органами являлись Общее собрание, Совет Лиги Наций, в составе 4 постоянных членов (Великобритании, Франции, Италии, Японии) и 4 временных, сменявшихся ежегодно.

Инициатором привлечения Лиги Наций к беженским проблемам стал Международный комитет Красного Креста (МККК). 20 февраля 1921 г. он обратился с письмом в Совет Лиги Наций. В письме МККК указывал на бедственное положение выходцев из России за границей и на необходимость назначения комиссара по делам русских беженцев. Отмечалось, что его работой могло бы стать:

- 1) Определение правового положения беженцев.
- 2) Возвращение их в Россию или трудоустройство вне России.
- 3) Объединение и координация усилий помощи беженцам.

26 февраля Совет Лиги Наций признал вопрос важным, но исключил финансовую ответственность и практическую помощь мигрантам. После изучения положения дел было решено, что некоторые категории беженцев будут находиться на попечении постоянного органа Лиги Наций. Проект об учреждении особого комиссариата по делам русских беженцев был составлен по

инициативе французской секции, исходя из необходимости координирования усилий отдельных государств. Предполагалось, что во главе комиссариата будет находиться председатель, гражданин одного из нейтральных государств, скорее всего Швейцарии или США, в качестве генерального секретаря намечался француз. Для снабжения комиссариата необходимыми денежными средствами предполагалось обратиться ко всем государствам, входящим в состав Лиги Наций.

20 августа 1921 г. норвежец Ф. Нансен дал согласие быть Верховным комиссаром по беженским делам, а 12 сентября приступил к своим обязанностям [3].

В соответствии с решением Совета Лиги Наций от 27 июня 22-24 августа 1921 г. состоялась конференция уполномоченных правительств в Женеве под председательством представителя Сербии М. Йовановича, который являлся председателем кассационного суда в Белграде, члена Постоянной палаты международного суда.

При обсуждении правового вопроса выяснилось, что государства стремятся сохранить свою независимость и избежать изменения своего законодательства во благо российских мигрантов. Конференция характеризуется тем, что на ней впервые был поставлен вопрос о предоставлении паспортов для россиян-апатридов для того, чтобы обеспечить им действенную правовую защиту и законное право на труд и проживание наравне с подданными государств-реципиентов. В постановлении конференции говорилось, что эти документы должны отвечать требованиям как государств, из которых беженцы уезжают, так и принимающей стороны, а также давали возможность беженцам передвигаться по стране проживания и были бы действительны в других странах.

На прием к Нансену, 3 сентября 1921 г. приехавшему в Женеву и официально вступившему в права Верховного комиссара, русская делегация смогла попасть лишь 13-го. В состав делегации входили И.Н. Ефремов, А.Н. Манделыптам, С.В. Панина, Н.И. Астров и

Ю.И. Лодыженский. Нансен был удивлен множественностью точек зрения русских организаций на судьбу беженства. В его адрес пришли обращения Русского национального комитета, Русского совета, в которых утверждалось их исключительное право защиты интересов беженцев [4].

3-5 июля 1922 г. в Женеве состоялась очередная конференция, на которой был принят текст сертификата для беженцев, который позже получил название нансеновского паспорта и, также обсуждались правила его выдачи.

Лицо, имеющее паспорт Лиги Наций, принадлежало к категории лиц «русского происхождения, не приобретших никакой другой национальности».

«Россия вне России» на протяжении многих лет продолжала будоражить умы величием и трагедией своего исхода. Однако российская эмиграция оказала сильное влияние на общественное сознание, культуру и экономику тех стран, куда прибывали русские. Волнующая умы далекая страна ассоциировалась у европейской интеллигенции с выдающимися достижениями ее культуры и науки; деловое сообщество Европы было осведомлено о российских предпринимателях, которые на рубеже веков интегрировали свои капиталы в западную экономику. Прибытие в Европу сотен тысяч российских беженцев во многом перевернуло устоявшиеся стереотипы о русском народе. Европейское общество оказалось перед выбором: принять или отторгнуть массу эмигрантов, которые вторглись на территорию Европы. Поиск ответа на это вопрос оказался длительным и не легким. Сочувствие и сострадание к лишенным отечества русским часто переплеталось с реакцией отторжения чужаков, с которыми нужно было делиться кровом и рабочими местами.

Оказанный российским эмигрантам прием стал для них неожиданным. Политика «правого вытеснения» эмигрантов; нежелание местных властей способствовать их адаптации и ассимиляции; борьба европейского пролетариата против чужаков – осложняли интеграцию россиян в новое для них европейское общество.

По стечению времени настороженность сменилась интересом к яркому культурному многообразию, которое было привезено из России ее бывшими гражданами. Интерес европейцев к эмиграции достиг огромных масштабов, что уже никого не удивляла «русская мода», ставшая культурным событием в общественной жизни Европы 1920-х гг.

Со временем эмиграция изменилась. Из разрозненной массы потерянных и подавленных людей она постепенно превращалась в сообщество соотечественников, объединенных трудноопределимым и сложным понятием «общие корни», общностью культуры, языка и традиций [3].

Проблема адаптации людей к другой культурной среде является важной проблемой в науке и культуре. Особенно сложно это сделать, если язык, обычаи и образ жизни на новом месте сильно отличаются от привычных. Поэтому мигранты часто испытывали чувство отчужденности и потерянности. Так мигранты чаще всего вращались в собственном кругу, общались только с представителями своей страны, и это могло помешать успешной адаптации. Ведь тогда нет острой необходимости учить новый язык, пытаться сблизиться с людьми другой культуры и менталитета [5].

Многим русским людям отъезд из России казался «концом биографии», однако это впечатление возникало и возрастало под воздействием очень субъективных причин. Русское «путешествие» все более приобретало онтологический, «бытийный» смысл. «Путешествие начинается не с изгнания, а с вечного вопроса», – подметила исследователь творчества писателя-эмигранта Г. Газданова, в произведениях которого само понятие «путешествие» получило знаковый характер. Но русским вопросом был не только вопрос о существовании Бога и чего – то Абсолютного, но и вопрос о западном и восточном строе русской души.

Как правило, этнические мигранты либо переезжают в составе группы, либо мигрируют в те регионы, где уже сконцентрировано определенное количество их зем-

ляков. В результате возникает такое явление, как этническая сеть. Этническая сеть начинает разворачиваться с момента появления первых мигрантов, которые еще не имеют никаких социальных связей, им не на что опереться. Этим людям сложнее всего. Однако по прошествии времени, первая волна мигрантов так или иначе адаптируется к новым условиям, и уже следующие волны мигрантов приезжают на подготовленную почву. Легче принять решение о миграции, если на новом месте уже есть этническая сеть, это дает гарантию того, что процесс обустройства на новом месте не будет очень болезненным – родственники и земляки из первой волны помогут приспособиться, найти работу, объяснят основные правила жизни в новой среде.

В сознании российских ученых сложился один из основных элементов мифа о русской идее, противопоставившей, в частности, всецелый Божественный разум – ограниченному человеческому рассудку, стала, по-видимому, реакцией на трудности духовной и бытовой адаптации в Европе. Сюда же можно отнести и, говоря словами Н. Бердяева, неумолимую «власть пространства над русской душой».

Противопоставление русского духовного, творческого беспорядка – приземленности европейского, в особенности немецкого, мещанского порядка – почти общее место в произведениях путешественников из России.

Именно внутренняя «борьба», происходившая в душах русских эмигрантов в Европе, выражала их трудности адаптации на Западе. Они остро чувствовали свою «инакость» и зачастую отверженность европейским миром, самим укладом его

жизни. Это приводило к поиску новой национальной идентичности, в которой закономерно усиливались свойства русской идеи: утверждение иного «качества» духовности, противопоставление творческого бытия – мещанскому быту, нетерпимость к ограниченности, пошлости, невежеству, – что, в конце концов, нередко заканчивалось полным неприятием иностранных качеств. Причем, если отъезд из России был часто отмечен усилением западнических тенденций в мировоззрении, то длительное пребывание в Европе в напрасном ожидании возвращения в Россию, порой до крайности обостряло «славянофильские» взгляды.

В 1920–1930-е годы русские выезды в Европу, и в первую очередь в Германию и Францию, обычно являлись вольной или принудительной эмиграцией, связанной с неприятием людей большевистского режима. Как правило, поначалу изгнанники избегали называть себя эмигрантами, долгие годы сохраняли российское гражданство и ждали удобного момента для возвращения в Россию. Это сближало их с путешественниками, задержавшимися за рубежом.

Таким образом, мигранты из России были интересны, некоторые ими восхищались, некоторые подражали, но европейское общество так и не смогло принять их в себя, сделав своей неотъемлемой частью. Слишком ярким и эмоциональным был характер русских мигрантов, слишком велики и тяжки, оказались выпавшие на их долю испытания. Возможно, поэтому до сих пор многие ученые изучают грани этой проблемы и рассматривают связь русской идеи и миграции.

Библиографический список

1. *Ипполитов С.С.* Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. – М.: Издательство Ипполитова. – 2004. – С. 28.
2. *Попков В.Д.* Основы «Русского мира»: векторы формирования единого пространства соотечественников [Электронный документ]. – URL: <http://www.fondedin.ru/dok/popkov.pdf>.
3. *Бочарова З.С.* Русские беженцы: Проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения (1920 – 1930-е годы): Сборник документов и материалов. – М.: «Российская политическая энциклопедия». – 2004. – С. 3.

4. Гражданский кодекс Р.С.Ф.С.Р., принятый на IV сессии Всероссийского центрального исполнительного комитета. – Орел. – 1923. – С. 57.

5. Адаптация мигрантов к новой среде [Электронный документ]. – URL: <http://astraob.ru/novosti/stati/40-adaptatsiya-migrantov-k-novoj-srede>.

MIGRATION IN EUROPE IN THE FIRST HALF OF XX CENTURY

N.V. Matasova¹, *senior lecturer*

I.A. Matasova², *student*

Novosibirsk state agrarian university

Novosibirsk state university of economics and management

***Abstract.** The research of migration abroad has become one of the actual problems of modern science. Considering the amount of scientific work and research carried out in recent years, we can say that migration plays a very important role in the history and influence of migration on the development of culture still remains.*

***Keywords:** migration, emigrants, refugee, problem of refugees, Europe, adaptation.*